

Уважаемые читатели!

В седьмом выпуске сборника «Горение и взрыв» мы продолжаем рубрику «Научная публицистика» и помещаем статью Н. М. Кузнецова о своем учителе — замечательном советском ученом, заведующем лабораторией ИХФ АН СССР профессоре А. С. Компанейце по случаю 100-летия со дня его рождения, а также письмо Я. Б. Зельдовича Ф. И. Дубовицкому, в котором обсуждаются вопросы о путях развития науки о горении, актуальные и сегодня. Ваши отзывы об этих материалах можно оставить на интернет-форуме по адресу www.combex.ru.



АЛЕКСАНДР СОЛОМОНОВИЧ КОМПАНЕЕЦ
И ЕГО ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ В 1954–1974 гг.

Н. М. Кузнецов

Четвертого января 2014 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Александра Соломоновича Компанейца — выдающегося физика-теоретика, одного из первых представителей всемирно известной школы Л. Д. Ландау.

О научных заслугах Александра Соломоновича очень хорошо сказано коллективом авторов в персоналии «Александр Соломонович Компанеец» [1].

После кончины Александра Соломоновича коллективом теоретической лаборатории был подготовлен сборник его наиболее значимых научных трудов. Тематика сборника настолько широка, что мы долго не могли придумать ему заглавия. Выручил И. М. Лифшиц. По его предложению сборник вышел под названием «Физико-химическая и релятивистская газодинамика» [2].

Александр Соломонович многие годы читал лекции в МИФИ по разным разделам теоретической физики. Отличное физико-математическое образование и затем универсальная школа Л. Д. Ландау позволяли чередовать курсы лекций, а это, в свою очередь, безусловно, было тем, что называется «мать учения», помогало видеть взаимосвязь, казалось бы, разнородных физических явлений. Богатый многолетний опыт преподавания нашел свое отражение в двухтомном курсе (учебнике) [3]. Двухтомник включает *почти все* разделы теоретической физики. Курс отличается ясностью, высокой культурой изложения и не утратил с годами своей ценности.

Александр Соломонович был еще и замечательным популяризатором науки. Издательства «Наука» и «Знание» выпустили ряд популярных книг и брошюр, написанных Александром Соломоновичем Компанейцем. *Любопытно, что в Соединенных Штатах лучшим популяризатором науки был выдающийся физик также российского происхождения — Григорий (Жорж) Гамов* [4].

Все это характеризует Александра Соломоновича Компанейца хотя и многосторонне, но только в общих чертах. В свете подобных конспективных характеристик многие выдающиеся люди кажутся почти одинаковыми. Но они все очень разные и этим не менее интересны, чем по очевидным и общепризнанным заслугам. Подобно тому, как вместе с фотографией планеты как целого интересны и важны снимки с близкого расстояния, крупным планом, пусть даже в не самых показательных точках. Для молодого поколения ученых и вообще любознательных людей могут представить интерес ранее не опубликованные фрагменты воспоминаний уже немногих очевидцев отдельных событий, эпизодов и т. д. Есть факты из прошлого, которые могут быть интересными для других, но известные тебе одному, или только ты в состоянии написать о них. И если у тебя не нашлось времени оставить воспоминания, то с твоим уходом такие факты будут утрачены навсегда. Как жалеешь порой о том, что уже нет участников и очевидцев конкретного события, которые могли бы поделиться своими знаниями и наблюдениями! А ведь это в совокупности составляет и биографии отдельных людей, и историю в целом. Ни учебники истории, ни монографии и художественная литература не в состоянии заменить рассказов, воспоминаний и писем очевидцев. Такими мыслями я руководствовался, предлагая к публикации нижеследующие страницы воспоминаний об Александре Соломоновиче и его лаборатории. Имеющиеся отступления и дополнения к основной теме набраны курсивом.

По воле случая

В МИФИ мне не довелось слушать лекции Александра Соломоновича. Обучаясь на другом факультете, я даже не знал Александра Соломоновича в лицо. Но мир тесен, и вот однажды весной 1953 г. я и мой сокурсник Анри Рухадзе (теперь это крупнейший специалист по физике плазмы и другим разделам теоретической физики) подходили к Главному корпусу МИФИ на ул. Кировской напротив Главного почтамта. И вдруг Анри воскликнул: «Вон идет Компанеец, Он тебя не знает? Ну и хорошо. Постой, дай я за тебя спрячусь. А то он меня может спросить, почему я до сих пор не отдал ему курсовую работу». В людском потоке я не разглядел Александра Соломоновича, и наше знакомство состоялось только через год, в апреле 1954 г., когда я был направлен на работу в ИХФ после защиты диплома. Говорят,

что по большому счету ничего случайного не бывает, но это направление было для меня полной неожиданностью.

Защитив диплом в феврале 1954 г. под общим названием специальности «инженер-физик», я получил в Министерстве среднего машиностроения (Средмаш) направление на некий секретный объект и 800 руб. подъемных (что означало половину моей будущей зарплаты). О самом объекте, о его местонахождении ничего не было сказано, кроме того, что климат там такой же, как в Москве, и что туда надо будет ехать на поезде с Казанского вокзала. «Зайдете к нам сразу после отпуска, получите билет, вечером сядете на поезд, а утром уже будете на месте». (Позже стало известно, что имелся в виду объект «Арзамас 16».) Получив еще за месяц положенного отпуска повышенную стипендию 750 руб. в МИФИ, я уехал в отпуск к родителям в Оренбургскую (тогда еще Чкаловскую) область. Вернувшись, я неожиданно узнал от однокурсника, что вместо меня на объект направлен другой выпускник, несмотря на то что он, в отличие от меня, коренной москвич. Сказано это было с намеком, что не надо было уезжать в отпуск, что меня якобы «подсидели». Так или иначе, но нужно было срочно явиться в Средмаш, что я и сделал. В министерстве в большом кабинете, куда меня направили, по диагонали от двери за столом сидел солидный чиновник. Он мне сообщил, что, действительно, прежнее направление отменяется в связи с тем, что поступила заявка от академика Семенова, и меня предполагается направить к нему в Институт химической физики АН СССР. Я в расстроенных чувствах выпалил: «Зачем, с какой стати? Я не хочу!» Не помню, что еще я говорил в таком же духе. Но ответом сначала были молчание и взгляд с любопытством и затем как-то очень спокойно и тихо, но убедительно, было сказано: «Товарищ Кузнецов, так это ведь лучше!» И я тут же согласился. «Ну вот и хорошо. Я Вам сейчас дам направление в Президиум Академии наук, а там Вас направят к академику Семенову». Когда я попрощался и направился к выходу, сотрудник министерства остановил меня словами: «Товарищ Кузнецов, мы с Вами забыли уладить еще один вопрос: Вы получили подъемные, их надо будет вернуть. Подпишите вот это финансовое обязательство».

В секретариате Президиума АН мое появление не было неожиданным, и мне тотчас дали направление в Институт химической физики, в котором была указана должность младшего научного сотрудника с окладом 1050 р. Узнал адрес ИХФ — Воробьевское шоссе, д. 2, остановка троллейбуса № 7, Первый Воробьевский проезд. Николай Николаевич принял меня в своем кабинете. Подойдя к исписанной доске, он быстро все стер. Задав несколько вступительных вопросов относительно того, где и как я учился, он спросил, что меня больше всего интересует. Я ответил: «Множественные процессы». Николай Николаевич сказал: «Нам нужен молодой специалист для работы по секретной тематике, связанной с теоретическим изучением физики и га-

зовой динамики процессов при атомном взрыве в атмосфере и в других средах». Добавил еще, что в принципе есть возможность заниматься нейтронной тематикой, но было понятно, что это менее желательно. Я сказал, что хотел бы работать в первом из названных направлений. Николай Николаевич сразу же позвонил Александру Соломоновичу Компанейцу: «Александр Соломонович, я только что поговорил с выпускником МИФИ Кузнецовым. Он мне понравился, и я его направляю в Вашу лабораторию». Обращаясь ко мне, Николай Николаевич сказал: «Идите сразу в Отдел кадров и затем к зав. аспирантурой Гавриилу Степановичу Аравину. Он укажет место в общежитии, которое находится рядом, на территории Института. Общежитие — это временно. Для молодых сотрудников строятся дома в поселке «Санаторий Узкое». Примерно через год Вы переселитесь туда, но уже не в общежитие. А через два–три года защитите кандидатскую диссертацию. У теоретиков это обычно получается быстро». Я поблагодарил, попрощался и вышел. Но вдруг услышал позади поспешные шаги и затем слова Николая Николаевича: «Одну минутку! А допуск у Вас есть?» Это было 15-го апреля. Много позже я узнал, что Николай Николаевич разговаривал со мной и принял меня на работу в свой день рождения. Ему тогда исполнилось 58 лет. Пожалуй, самое сильное впечатление от первого разговора с Николаем Николаевичем связано с тем, что он, как говорят, не держал дистанции. Вел беседу как бы на равных, и не чувствовалось даже малейшей примеси формального этикета. Высокая культура общения с подчиненными «заразительна». В первые же годы работы я убедился, что ею обладало большинство заведующих лабораторий и руководителей других подразделений ИХФ, в том числе и заведующий теоретической лабораторией Александр Соломонович Компанеец. Вероятно, начала такой культуры восходят к Ленинградскому физико-техническому институту и к его руководителю — Абраму Федоровичу Иоффе, а также и к более далеким временам становления и жизни научных школ. В общем и целом именно Николаю Николаевичу Семенову я обязан тем, что был направлен и принят на работу в ИХФ в теоретическую лабораторию. Я всегда был благодарен судьбе за это.

Теоретическая лаборатория

Лаборатория к началу 1954 г. состояла кроме Александра Соломоновича всего из трех сотрудников: Ю. С. Саясова, Б. В. Медведева и Герман. (Двое последних вскоре уволились). В феврале в лабораторию были зачислены после защиты дипломов Б. В. Новожилов и Б. Н. Провоторов, а в апреле, как рассказано выше, в лабораторию зачислили меня. *(Б. В. Новожилов и Б. Н. Провоторов оказались в ИХФ тоже по воле случая, хотя и не такого, как у меня. Решающим моментом оказалось то, с какой буквы начинаются их фамилии [5].)* В то же время Александр Соломонович

руководил аспирантами: Э. И. Андрианкиным (Физтех) и Е. Е. Ловецким (МИФИ). Несколько позже состав лаборатории пополнили А. В. Иванова, Ф. И. Далидчик, Г. К. Иванов, Л. С. Острякова (Никольская), О. А. Ольхов, М. А. Кожушнер, Л. А. Зайцева. Членом лаборатории по существу был и Е. Я. Ланцбург, формально числившийся референтом Н. Н. Семенова под руководством Н. М. Эмануэля. Вскоре после кончины Александра Соломоновича состав лаборатории пополнился еще тремя сотрудниками: Г. В. Голубковым, Е. А. Андреевым, Е. М. Балашовым — и лаборантом Н. Н. Дуниной.

Александр Соломонович говорил, что приоритетным направлением его научной работы были элементарные процессы. Но в 1950-е и отчасти в 1960-е гг. он занимался, в основном, специальными задачами, имевшими приложения к взрывным процессам, в том числе и к действию атомного оружия. На такие задачи были вначале ориентированы и сотрудники лаборатории.

В целом тематика работ была широкой и в значительной степени связанной с экспериментаторами. Такие связи не прерывались, несмотря на внутриинститутские реформы, случавшиеся время от времени. И по существу лаборатория Александра Соломоновича была общеинститутской. Нередко для решения спорных аттестационных и других вопросов теоретического характера руководство других отделов обращалась за помощью в нашу лабораторию.

Мы учились на семинарах, проводившихся регулярно раз в неделю, наматывая на ус лаконичные советы и остроумные замечания Александра Соломоновича, относящиеся не только к наукам. Но главное — учились на его личном примере в работе и культуре поведения. Большинство сотрудников рано проявило склонность и способность к самостоятельной работе. И по отношению к ним со стороны Александра Соломоновича достаточно было ненавязчивых советов, критики, порой довольно острой, но всегда доброжелательной и ценной.

Александр Соломонович в большинстве работ не имеет соавторов. В решении задач, которые были для него интересными, помощники, видимо, не требовались. Лаборатория наша переселялась неоднократно из корпуса в корпус: из первого корпуса во второй (круглая башня, в которой был линейный ускоритель), затем в теперешний библиотечный корпус и, наконец, снова в первый корпус, на третий этаж, где ранее была библиотека. Случалось, что комнаты сотрудников были для Александра Соломоновича проходными. В пальто и в шляпе, уже держась за ручку наружной двери нашей комнаты, он, казалось, куда-то спешил, но, тем не менее, часто успевал сказать что-нибудь эффектное «под занавес» вместо обычного «до свидания». Так, в ответ на мое сообщение о том, что в спецсекторе взрыва заседает выездной суд (*идет выездная сессия суда*) по поводу ограбления в лифте, А. С., уже стоя на пороге, мгновенно отреагировал: «Надо же! В неинерциальной системе!»

Во втором корпусе рядом с комнатами нашей лаборатории была комната без окон, где можно было спрятаться от постороннего глаза. Эту «биологическую нишу» быстро освоили азартные шахматисты, играющие в «блиц» по три минуты. Играли сначала вечерами. Но этого оказалось мало, и стали использовать «обеденный перерыв», растянутый часа на два–три. Александр Соломонович никогда не заглядывал в эту комнату, хотя, конечно, знал, кто там проводит рабочее время. Он избегал дисциплинарного нажима и воспитывал нас, в основном, на собственном примере. Советовал не тянуть с публикацией статей. Иногда применял и другие методы воспитания. Так, заметив, что аспирант Е. Е. Ловецкий не очень спешит с завершением работы над диссертацией, Александр Соломонович собственноручно (сам) изготовил и вывесил на видном месте большой лист с ежедневными показателями выполненной работы с переставляемыми значками, как на карте боевых действий. И это помогло.

Однажды академик Виктор Николаевич Кондратьев, заведующий Отделом кинетики и катализа, в состав которого входила (входит и теперь) наша лаборатория, не найдя меня на рабочем месте, когда я ему понадобился по совместной работе, спросил Александра Соломоновича, где Кузнецов, почему его нет на работе. Александр Соломонович сообщил мне об этом и добавил: «Я сказал, что Кузнецов — старший научный работник, доктор наук и сам распоряжается своим временем. Но вы, Коля, уж будьте добры сделать так, чтобы Виктор Николаевич больше не беспокоил меня такими вопросами».

Сам Виктор Николаевич в отличие от всех других академиков был образцом дисциплины. Он жил на Ленинском проспекте вблизи нового здания Президиума Академии наук, ходил на работу пешком, никогда не опаздывая, и его всегда можно было найти в кабинете, в лаборатории или в библиотеке. Кстати сказать, среди академиков он был чуть ли единственным посетителем библиотеки, был ее куратором, помогал в приобщении иностранных научных журналов.

Юбилей 60-летия

Каждый год 4 января мы — все сотрудники теоретической лаборатории — собирались вечером в гостеприимном доме Компанейцев. Поздравления и новогодние пожелания дополнялись обильной гастрономией на любой вкус. Этим мы были обязаны Татьяне Николаевне — супруге Александра Соломоновича (Шаталовой-Компанеец). Но и ему тоже: не было секретом, что некоторые из праздничных блюд, в особенности — грузинских, готовил А. С.

На юбилей 60-летия было много гостей, в том числе Я. Б. Зельдович, И. М. Лифшиц, Г. И. Баренблатт, К. П. Станюкович. Было очень весело и многолюдно. Разыгрывали шарады (популярная игра в те годы). Станюкович навеселе нашептывал то одному, то другому очередной свой экспромт:

«Набилось как зельдей в бочке». (Воистину: язык мой — враг мой, но порой невозможно удержать его за зубами.) Александр Соломонович выступил с пожеланиями своим детям — Екатерине и Дмитрию — и сотрудникам лаборатории. Пожелания были индивидуальными и глубоко продуманными. В контраст общему веселью — без тени шутливости. Следующим выступил И. М. Лифшиц. Он сказал (недословно): «Говорят, что глуповатый человек с годами теряет остаток ума, а умный может стать мудрым. Сейчас мы услышали мудрые пожелания».

Через семь месяцев Александр Соломонович скончался. Не будь сочетания случайных трагических обстоятельств, он, вероятно, не ушел бы так рано.

Литературный дар. Юмор, сатира

Из устных воспоминаний ученых — академика В. Н. Кондратьева, профессора Л. С. Полака и др. — известно, что среди людей из интеллигенции, чья молодость приходилась на 1920-е и 1930-е гг., было настоящим поветрием сочинять стихи. Естественно, что в большинстве своем стихи получались посредственными, смахивали на графоманство. С годами авторы благоразумно переключились на другие, более полезные занятия. Но те немногие, кто обладает незаурядными литературными способностями, реализуют их по мере сил в любом возрасте. Собственное увлечение подкрепляется одобрением читателей (поклонников) и возникает своеобразная положительная обратная связь.

Александр Соломонович принадлежит к таким «немногим». Он известен как талантливый автор поэтических шаржей, пьесок и розыгрышей. Ряд таких сочинений приведен в [6]. А. С. нередко обменивался, например, «комплиментами» с К. П. Станюковичем, тоже острым на язык. На титульном листе книги Ф. А. Баума, К. П. Станюковича, Б. И. Шехтера «Физика взрыва» (Физматгиз, 1959), подаренной Александру Соломоновичу, он начертил, имея в виду К. П. Станюковича: «Писал все, что придет на ум, а отвечать будет Баум». Станюковичу принадлежит фраза: «Известный всем эпикуреец — профессор доктор Компанеец». Слово «семинар» расшифровывалось Станюковичем как музыкальное «си-ми на ре» и еще как «полудурак». И такое в неофициальной обстановке сыпалось, как из рога изобилия. Особенно когда Александр Соломонович и Кирилл Петрович были навеселе. Александр Соломонович рассказал как-то, что он подарил Станюковичу зарисовку с предполагаемым изображением обратной стороны Луны. По словам А. С., он исходил из предположения, что Луна обращена к Земле лицом. Позже, когда были получены снимки Луны со спутника, предсказание (опять же по утверждению А. С.), в основном, подтвердилось.

Сатирическое оружие Александра Соломоновича пускалось в ход и как отклик на неординарные события в ИХФ. Стихотворный отклик на очеред-

ную реорганизацию Института начинается так: «Дни большие наступили революции культурной. Не пора ли нам восплакать у Хифизики над урной».

Принципиальность

Александр Соломонович не терпел псевдоученых и спекулянтов от науки. Не говоря уже о таких, как Т. Д. Лысенко, его возмущали карьеристы, которые после шумной рекламы, заваливая дело, пересаживались как ни в чем не бывало на другого коня с новыми заманчивыми обещаниями и так далее.

А. С. органически не выносил лицемерия. Как-то я сказал Александру Соломоновичу о статье в центральной газете одного очень заслуженного ученого. Там он написал нечто такое, что явно не соответствовало его собственным взглядам. Александр Соломонович в сердцах воскликнул, имея в виду автора и ему подобных: «У них у всех два лица!»

Александра Соломоновича уже не было, когда подул, казалось бы желанный, ветер перемен, который, однако, оказался непредсказуемым. И я часто задавал себе вопрос: как-бы на это реагировал Александр Соломонович? Об этом я спросил и Татьяну Николаевну Компанеец. Она ответила, что реакция была бы отрицательной.

Уроки английского. Немецкий язык

Мне довелось работать в лаборатории Александра Соломоновича 20 лет — с 1954 по 1974 гг. С ним я был также в экспедиции на Новой Земле, где в 1955 г. состоялся первый в СССР подводный атомный взрыв. Кроме того, вместе с Александром Соломоновичем я учился на двухгодичных курсах разговорного английского языка (1957–1958) с преподавателем Соколовым (инициалов не помню) с кафедры иностранных языков. Учеников было всего трое: Александр Соломонович Компанеец, Ростислав Федорович Васильев (ныне доктор физ.-мат. наук в ИБХФ РАН) и я. Упоминаю об этих курсах, потому что они были очень интересными, увлекательными. И в этом была заслуга не только преподавателя, но и Александра Соломоновича. Преподаватель поощрял импровизированные разговоры на самые разные темы — пересказ по памяти последних известий и других передач Би-Би-Си, сказок Оскара Уайльда, рассказов английской писательницы Кэтрин Менсфильд, канадского писателя-юмориста Стивена Леккока и др. Иногда возникали споры по вопросам политики, экономики, семейных отношений и воспитания детей (что называется в просторечии разговорами «за жизнь»). Времени на все это хватало — по четыре часа в неделю. Александр Соломонович был в возрасте, далеко от студенческого, был занят другими важными делами, но занятий не пропускал и выполнял все очень трудоемкие домашние задания с азартом студента-отличника языкового вуза.

Александр Соломонович свободно владел немецким языком — устным и письменным. В этом я лишний раз убедился, когда он сходу отредактировал мое письмо знакомому из ГДР. На мой вопрос, где он научился немецкому языку и как удается все помнить без выездов за границу и вообще без практики, Александр Соломонович сказал, что кроме основательного изучения немецкого языка в школьные и студенческие годы он временами занимался этим настойчиво и позже. Это очень поучительно и достойно подражания. Как часто учеба, брошенная на полпути, не закрепленная повторением, будь то математика, язык, музыка и многое другое, пропадает почти даром. И напротив, закрепляя пройденное и двигаясь вперед, можно подняться до уровня, с которого уже не скатишься назад, да и не захочешь этого. При изучении языка такой уровень — это когда словарный запас увеличился настолько, что удовольствие от чтения стало больше, чем удовольствие от листания словаря.

Зарплата. За рулем

Заработная плата заведующего лабораторией в ИХФ (1954 г.) составляла 6000 руб. Примерно через год ее уменьшили на 1000 руб. Официально это называлось упорядочением зарплаты. В разговоре с Ю. П. Райзером Александр Соломонович тогда сказал: «Меня упорядочили на тысячу рублей». (Младший научный сотрудник без степени получал от 1050 до 1200 руб., старший — 3000 руб., аспирант — 780 руб.) Автомашина «победа» и такого же класса немецкая машина «мерседес» стоили 16000 и 12000 соответственно. У Александра Соломоновича была в то время новенькая «победа» темно-синего цвета. Водил ее он еще не очень уверенно, особенно при обгонах, допуская опасные колебания (обгонять — не обгонять). Знающие утверждали, что Татьяна Николаевна водила машину лучше.

Средства и приемы вычислений

В начале 1950-х гг. настольными вычислительными средствами служили арифмометры и электрические машинки «Мерседес» (весом около 10 кг). На них можно было выполнять арифметические действия с многозначными числами. Для решения физико-математических задач впридачу к таким машинкам нужны были таблицы логарифмов или экспонент. В те времена настольной книгой вычислителей были таблицы экспонент Семендяева. Александр Соломонович, однако, ничего такого не использовал и ограничивался логарифмической линейкой. Обычно она всегда была при нем. При расчетах вероятностей элементарных процессов кроме универсальных физических констант и чисел π и e полезно было знать, что $e^3 \approx 20$ и $(4,8)^2 = 23$ (заряд электрона в системе СГС равен $4,8 \cdot 10^{-10}$). Физики-теоретики обычно предпочитают эту систему всем другим). Зная само число e и e^3 , легко вычислить e в любой целой степени. Например, $e^{10} = (20)^3 e$. За-

помнились накрепко натуральный логарифм 10 и обратная ему величина — десятичный логарифм от натурального числа e . Подобным «маленьким хитростям» я научился у Александра Соломоновича. В связи с ними вспоминается один эпизод: на теоретическом семинаре, которым руководил Л. Д. Ландау в Институте физических проблем, (такие семинары проводились регулярно по четвергам) докладчик написал на доске число 2^{20} . Лев Давидович сразу сказал, что это миллион. Присутствующий на семинаре А. Я. Померанчук, часто восторгавшийся вслух ходом мыслей Л. Д. Ландау, воскликнул: «Как! Ты помнишь, чему равно число 2^{20} ?» Лев Давидович ответил: «Я помню, чему равен логарифм двух».

Ненаучные командировки

Александр Соломонович не считал нужными походы сотрудников лаборатории на овощные базы, поездки на сельхозработы и никогда не требовал этого от нас. Это было одной из причин, почему мы длительное время были в стороне от таких работ. Вторая причина: теоретики не нуждались в отгулах, которые давались за это примерным трудящимся. И третья причина: отсутствие нескольких человек на базе или в колхозе «не делало погоды» и не вызывало до поры серьезных нареканий. Но критики в адрес лаборатории становилось все больше, и с весны 1972 г. мы добровольно прервали традицию уклонения от указанных мероприятий. И не потому, что боялись каких-либо «санкций» сами, а потому, что не хотели допустить претензий к Александру Соломоновичу со стороны партбюро или парткома.

Все первое хорошо запоминается. В подшефный колхоз с правлением в деревне Синьково (или Сеньково), расположенной между Каширой и Коломной, впервые мне довелось поехать вдвоем с Б. В. Новожиловым. Дело было в воскресенье под вечер. Точно дороги мы не знали, но нам повезло: добрые люди взялись подбросить нас до места назначения в кузове грузовика. Спросили, нет ли у нас водки. Водки не было. Двое из кабины уже были навеселе и хотели во что бы то ни стало раздобыть еще спиртного где-нибудь в ближайших селах. Вечером в воскресенье надо было спешить, и машина металась по полям и оврагам от села к селу. А мы, доктора наук, в пустом кузове на личном опыте ощутили, что значит быть во взвешенном состоянии.

Оставив вещи в общежитии, мы с Б. В. в сумерки пошли прогуляться к Оке по ее широкой и чрезвычайно плодородной пойме. Навстречу идет мужик, шатаясь, и говорит нам: «Ребята, вы мою лодку там не берите». А затем, уже в спину нам: «А если возьмете — поставьте на место».

Благодарю редакционную комиссию сборника «Горение и взрыв» за предоставленную возможность опубликовать данные воспоминания и навеянные ими размышления («лирические» отступления).

Литература

1. Гольданский В. И., Зельдович Я. В., Кожушнер М. А. и др. Памяти Александра Соломоновича Компанейца // УФН, 1974. Т. 114. Вып. 4. С. 687–688.
2. Компанеец А. С. Физико-химическая и релятивистская газодинамика: Сб. трудов / Отв. ред. академик И. М. Лифшиц, составитель Н. М. Кузнецов. — М.: Наука, 1977. 287 с.
3. Компанеец А. С. Теоретическая физика. Т. 1; 2. — М.: Наука, 1972–1973. 510 с.; 480 с.
4. Гамов Дж. Моя мировая линия: неформальная автобиография. — М.: Наука, 1994. 300 с.
5. Из воспоминаний Б. В. Новожилова // В книге: Ф. И. Дубовицкий. Институт химической физики. Очерки истории. — Черноголовка: Российская академия наук, 1992. С. 543.
6. Горобец Б. С. Круг Ландау. — М.–Санкт-Петербург: Летний сад, 2006. 688 с.